Аз сицевая слышав от толиких муж, удивихся, сожалихоси и противу став рех, яко аз всякий образ Христа бога нашего аще живописаный, аще не живописаный, точию по чину церковному изображенный, и паче аще есть имеяй подписание имене Христова, почитаю и лобзаю. Вем бо яко между многими тысящми образов Спасовых негли едва един живому лицу Христову обрящется подобен. То убо един бы точию той образ почитати подобало, прочыя же вся пометати. Что есть дело еретическо. Паче же явственно есть яко вси образы Спасови не суть ему совершенно подобни, или качеством, или количеством, или самем начертанием. То бы вся образы подобало пометати. Сие же есть иконоборство. Довлеетже ко почитанию святих икон то, аще по чину изобразуют человечество Христово, и его божественная действа, с подписанием чинным, а несть нужда конечная живоподобия. Хвалю, блажю живоподобие, аще кому то возможно сотворити. Но кто виде живаго Христа господа, каков бяше; или поне кто соглядаше его нерукотворенный образ, от него же могл бы списати праведно подобие Христово. И коль мнози суть художници, искуство имущии живописания; тем же доволно есть нам во образех святых усмотряти, да будут по чину церковному писани. Аще и не суть по изяществу совершенному художества живописцев начертани. За сицев ответ многую досаду словесы укорителными понесох. Что им да простит господь, а о святых иконах лучше мудрствовати да наставит».[53]

Из приведенного текста видно, что спор Симеона Полоцкого с его противниками об иконописи касался как раз тех пунктов, на которых останавливался и Иосиф Владимиров. Полоцкий собственно нисколько не протестует против «живоподобия» как такового. Оно импонирует его вкусу, но, как осторожный и проницательный деятель, он легко вскрывает иконоборческую природу крайних аргументов своих противников. Поэтому, возражая против «живоподобия», он исходит из чисто практических соображений: во-первых, надо соблюдать «чин»; во-вторых, слишком мало искусных художников. Правда, ранее Полоцкий указывает на «метафоричность» священных изображений,[54] но его мысль не проникает в глубь этих «метафор», и он не понимает их значения для формы. В целом в приведенных взглядах самого Полоцкого чувствуется известная неуверенность. Интересно, что он показывает своих противников образованными людьми. Они принадлежат, как и Владимиров, к верхним слоям общества.

О новой живописи с осуждением высказывался и патриарх Иоаким,[55] также исходящий из практических церковных потребностей. Однако «живоподобие» продолжало существовать. Защитники традиционного искусства не сумели выдвинуть глубоких теоретических аргументов в защиту этого искусства, а запреты, разумеется, помочь не могли. Влияние Запада поставило перед русским сознанием новые вопросы в области искусства, ответы на которые не были подготовлены в предшествующее время Вследствие совершившегося фактического отрыва художественной практики от средневековых форм мышления, обусловленных аскетической моралью, усилились западные влияния, некритически воспринятые обществом. Поэтому Владимиров и его единомышленники создавали первую на Руси теорию искусства, по существу не имея предшественников. Они были связаны, однако, наличием определенной художественной традиции, с которой необходимо было считаться. Они, конечно, не посмели поднять руку на традиционные «благообразные» формы и этим засвидетельство-

---

[53] Симеон Полоцкий, л. 91—91 об.
[54] Там же, л 89 об.
[55] Грамота патриарха Иоакима. — ААЭ, т. 4, стр 220.